

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**
КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

**ЧЕЗАРЕ
ЛОМБРОЗО**
**ИОГАНН
БЛОХ**

ЖЕНЩИНА

ПРЕСТУПНИЦА И ПРОСТИТУТКА

Человек преступный. Классика криминальной психологии

Чезаре Ломброзо

**Женщина, преступница
или проститутка**

«Алисторус»

УДК 616.89
ББК 87.703.7

Ломброзо Ч.

Женщина, преступница или проститутка / Ч. Ломброзо —
«Алисторус», — (Человек преступный. Классика криминальной
психологии)

ISBN 978-5-907211-05-6

Чезаре Ломброзо - итальянский тюремный врач-психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирожденном преступнике. Иоганн Блох – немецкий венеролог, один из основателей сексопатологии как науки. В своей провокационной работе «Женщина преступница и проститутка» Ломброзо рассматривает отношение женщин к трем объектам: любви, проституции и преступности. Ломброзо приходит к очень неожиданному выводу, что же для женщины является главным инстинктом и что определяет их поведение в течение жизни. Иоганн Блох продолжает размышления Ломброзо и исследует вопрос о женской преступности с точки зрения сексопатологии.

УДК 616.89
ББК 87.703.7

ISBN 978-5-907211-05-6

© Ломброзо Ч.
© Алисторус

Содержание

Чезаре Ломброзо	5
Любовь	5
I. Любовь у животных	5
II. Любовь у человека	8
История проституции	18
I. Стыд и проституция у диких народов	18
II. Проституция у исторических народов	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чезаре Ломброзо, Иоганн Блох

Женщина – преступница и проститутка

Чезаре Ломброзо
Женщина, преступница или проститутка

Любовь

І. Любовь у животных

У животных, стоящих на низших ступенях развития, у которых самка физически сильнее своего самца, любви, собственно, не существует. Самка прогоняет самца немедленно после своего оплодотворения, и здесь мы видим половой инстинкт всецело подчиненным материнству. Самки-пауки пожирают часто после совокупления своих самцов, если последние не успевают тотчас же убежать от них. Бесполое особи у муравьев и пчел исполняют роль матерей, не зная совершенно половых отправлений, а пчелы-самки ежегодно истребляют своих трутней.

Чувство любви начинает примешиваться у самки к материнскому только тогда, когда самец, будучи физически сильнее ее, подчиняет ее своему господству и начинает требовать от нее удовлетворения своей более пылкой чувственности. Если не считать насекомых (*Ublencus cicatricosus*), то о любви можно в собственном смысле говорить только у птиц, так как они являются в зоологической лестнице первыми, у которых наблюдается более или менее продолжительная жизнь парами. Но и здесь самец является более активным членом таких пар.

«В противоположность другим животным, – говорит Брем,¹ – большинство самцов-птиц проводит всю свою жизнь с одной самкой; полигамия и многократное парование, как это наблюдается у млекопитающих, у них встречается редко. Два супруга, вступив раз в союз, поддерживают таковой в течение всей своей жизни, – и это исключительный случай, чтобы один из них нарушил его. Но так как у птиц число самцов превышает число самок, то и здесь имеются свои „холостяки“ и „вдовцы“, которые стараются овладеть чужими самками. Поэтому в период парования между самцами происходят часто отчаянные схватки, в которых одни из них защищают неприкосновенность своего супружеского ложа от других, пытающихся его осквернить.

Ревность, и порою самая сильная, также не редкость среди птиц. Часто можно видеть, что самки вместе со своим самцом сообща прогоняют слишком дерзко добивающегося взаимности любовника, но нередко бывает и так, что самка благосклонно относится к последнему, предпочитая его своему, так сказать, законному супругу. Наблюдали самок, которые, спустя полчаса после того как их самец был убит, отдавались другим.

Самцы, очевидно, более страдают, теряя своих самок, что, быть может, зависит от того, что «им труднее найти новых» (Брем. Жизнь животных, т. III, с. 25).

В общем самец во время парования всегда кажется более страстным и влюбленным в свою самку, последняя же держится довольно пассивно, занятая виением гнезда.

¹ Альфред Эдмунд Брем (1829 года—1884) – немецкий учёный-зоолог и путешественник, автор знаменитой научно-популярной работы «Brehms Tierleben» (русс. «Жизнь животных»).

Певучий попугай-самец занят, кажется, исключительно своей самкой, когда она сидит на яйцах, и совершенно игнорирует всех других самок. Когда он не отправляется за кормом, то садится на край гнезда и поет своей подруге свои лучшие песни (Брем. *Op. cit.*, с. 102).

Самец-клест всячески ухаживает за своей клестовкой, когда она занята высиживанием яиц, точно он хочет этим вознаградить ее за тот труд, которого не может с ней разделить (Брем. *Op. cit.*, с. 115).

У коноплянок и зябликов ревность наблюдается только у самцов и никогда у самок (Брем. *Op. cit.*, с. 103).

Среди хищных птиц благородный сокол-самец и кобчик кормят свою самку, когда она сидит на яйцах, и развлекают ее разнообразными воздушными эволюциями, за которыми она следит взором. Совы-самцы, по-видимому, очень влюблены и привязаны к своим самкам, которые являются страстными матерями (Брем. *Op. cit.*, с. 38).

Самец-козодой всегда очень нежен со своей самкой (Брем. *Op. cit.*, с. 216).

Самец королевской птицы, в то время когда самка сидит на яйцах, всегда вертится около нее, перепархивает с одного места на другое, поет или машет крыльями (Брем. *Op. cit.*, с. 751, 824, 840).

Об ибисе Брем говорит следующее: «Супруги, особенно самец, отличаются большою верностью друг другу. Последний никогда не оставляет самку без того, чтобы ее не приласкать перед своим отправлением и не спеть ей несколько песен своих. Он очень ревнив» (Брем. *Op. cit.*, т. IV, с. 15).

Но в общем, повторяем, любовный инстинкт у самца развит сильнее, чем у самки, которая более, нежели он, располагает выбором (Дарвин. Происхождение видов, с. 386).

Самка-дятел во время парования перелетает с места на место, окруженная целой стаей поклонников, которые наперебой забавляют ее самыми разнообразными играми в воздухе для того, чтобы понравиться ей. Немало проходит времени, пока она изберет себе из этой стаи одного. Одна дикая утка была приручена и вскормлена дома. В продолжение двух лет подряд она жила с одним и тем же самцом, но немедленно прогнала его от себя, как только в птичник был впущен другой самец (Дарвин. Происхождение видов).

Буатар и Карбье сообщают из жизни голубей следующее: «Когда какой-нибудь голубь антипатичен голубке, то что бы ни делали с ней для того, чтобы расположить ее к нему, ничто не помогает. Ей дают возбуждающий половой инстинкт корм, оставляют ее в одной клетке с этим самцом в продолжение шести месяцев, даже года, но она упорно продолжает отказывать ему в своих ласках. Ни его жесты, ни его заигрывания, ни, наконец, его нежное воркованье не могут ее тронуть и смягчить. Она мрачно и неподвижно сидит все время в одном из углов своей темницы, изредка только оставляя его для еды и питья, а также для того, чтобы с особенной яростью защищаться против любовных поползновений самца» (Дарвин. *Op. cit.*, с. 384).

Трудно сказать, что, собственно, руководит самкой при выборе ею самца: в некоторых случаях она, очевидно, предпочитает более сильного, хоть и старого самца, более молодому, как это наблюдается, например, у глухарей.

Точно так же мы находим и у птиц, несмотря на явное господство у них самца над самкой, тот же антагонизм между половым и материнским инстинктами, который у низших представителей животного царства всецело сводится к преобладанию последнего.

Брем рассказывает, что один самец из породы *Amadina* был очень требователен по отношению к своей самке, которую он заставлял уже начать вить новое гнездо, в то время как нововыведенные птенцы не имели еще и десяти дней от роду; самка же упорно топырилась и, видимо, не соглашалась (Брем. *Op. cit.*, с. 226).

Часто приходится наблюдать, что кенарь (самец) разбивает носиком собственные яйца, так как канарейка, всецело поглощенная высиживанием их, совершенно не отвечает на его любовные ласки.

Причина этого заключается в том, что у самцов половое влечение более интенсивно и они сильнее привязаны к своим самкам, нежели последние к ним. У самок же оно сказывается не так резко, так как у них слабее выражен половой инстинкт и материнство, кроме того, является могучим отвлечением для их эротических побуждений.

Полигамия у птиц. У некоторых более или менее редких пород птиц, как, например, у павлина, фазана, глухаря и у многих куриных пород (Дарвин. *Op. cit.*, с.195), существует полигамия, но в таком случае роль обоих полов в выборе уже меняется. Так, павлины-самки, равно как и дикие индюшки, особенно очень старые, делают всегда сами первые шаги к выбору себе самцов. Самцы-глухари стоят совершенно спокойно и стараются обратить на себя внимание прыгающих вокруг них самок тем, что оттопыривают свои перья.

Двух самок из породы *Lophophagus*, которых Бартлетт² считает полигамами, нельзя поместить в одну клетку с самцом, ибо они начинают тотчас же драться из-за него (Дарвин). Исключением являются снегири, у которых существует моногамия, но и у них самка выбирает самца, а не наоборот.

По мере того как самец окружает себя все большим и большим числом самок и как он в состоянии все шире и шире удовлетворять свой половой инстинкт, самки начинают все более и более терять для него свою цену. Между ними начинается тогда непрерывная борьба из-за обладания им, причем каждая из них старается понравиться ему более остальных.

Млекопитающие. Половая жизнь млекопитающих далеко не так разнообразна, как птиц. Союзы их, большей частью полигамического характера, редко продолжаются долго. Обыкновенно они длятся до тех пор, пока у самки существует еще течка или пока на свет явится молодое потомство. Трудно сказать, в ком – в самце или самке – более интенсивно эротическое чувство.

Особенно сильно развита половая любовь у тех пород, которые живут более или менее долгое время вместе. Брем рассказывает про африканских дикобразов, что они очень нежные супруги и днем сидят в своей норе неподвижно, тесно прижавшись один к другому, ночью же выходят из нее, ласкают и лижут друг друга, даже между иглами, которые каждый из них поочередно поднимает так, чтобы другой мог просунуть между ними свой язык. Когда же один из них отказывается от подобных ласк, то другой приходит в ярость. Однажды из-за этого один самец был насмерть укушен в голову своей самкой (Дарвин, с. 242).

Морские свинки – самец и самка, – по-видимому, так же очень любят друг друга. Они постоянно лижут и ласкают одна другую лапами. Если одна из них спит, то другая сторожит ее и будит ее языком и лапками, если сон длится чересчур долго (Брем, II, с. 252).

Кролики живут парами в течение долгого времени, не оставляют обыкновенно ни на одну минуту один другого, и самцы очень заботливо ухаживают за своими самками. В свою очередь и последние также очень нежны с ними, будучи даже поглощены заботами о детенышах, они время от времени оставляют последних на короткое время, чтобы обменяться ласками со своими самцами (Брем, II).

И у млекопитающих бывают примеры, когда выбор делается самкой. Так, свинья часто отгоняет от себя упорно одного кабана и отдается немедленно же другому. Суки часто грызут всех бегающих за ними кобелей и случаются только с одним из них. В своем выборе они, по-видимому, руководствуются величиной, цветом шерсти, индивидуальным характером самцов и особенно – что еще важнее – степенью дружбы, в которой они до этого с ним находились. Самка северного оленя отдает всегда предпочтение самому сильному самцу (Дарвин).

Бликирион утверждает, что он никогда не видел кобылу, которая не отдалась бы любому жеребцу; между тем такие случаи имели место в главной конюшне Райта. Хантер описывает ту

² Сэр Фредерик Чарлз Бартлетт (1886–1969) – британский психолог, первый профессор экспериментальной психологии в университете Кембриджа, один из основателей современной когнитивной психологии.

хитрость, какую пришлось употребить, чтобы случить самку зебры с ослом; для этого последнего выкрасили в белые поперечные полосы на манер того, как выглядит зебра. Зебра-самец не так разборчив, и с ним нет надобности принимать таких предосторожностей. Для зебры-самки высшая красота ее самца заключается, очевидно, в полосатости его (Рише.³ De l'amur).

Однако у млекопитающих выбор иногда принадлежит и самцу. Так, заводские жеребцы часто не хотят случаться с одной какой-нибудь кобылой, без всякой, по-видимому, причины, и охотно это делают с другой (Дарвин. О происхождении человека, с.487).

Но это есть, как и у птиц, следствие полигамии, которая чрезвычайно сильно распространена среди млекопитающих. У некоторых видов она постоянна, как, например, у лошадей, горилл, павианов, у других же, например у льва, дикого кабана, она – явление временное. Полигамия обычно встречается у большинства обезьян, например, у павианов и ревунов, затем почти у всех животных и особенно у азиатских диких кабанов, индийских слонов, многих пород тюленей и у обыкновенных мышей. У всех же плотоядных, кроме льва, имеющего иногда по две, три и до пяти самок зараз, наблюдается обыкновенно моногамия (Дарвин. О происхождении человека, с. 193).

Вместе с полигамией начинается подчиненность самки самцу. Самки некоторых мозоленогих (ламы, гуанако) отличаются большой преданностью своему самцу. Если она видит его раненым, то спешит к нему на помощь, не обращая никакого внимания на выстрелы охотников. Наоборот, если подобная печальная участь постигает одну из самок, то самец преспокойно убегает с прочими самками, совершенно не заботясь о раненой.

Брем рассказывает об одной полигамической семье горилл, состоявшей из нескольких самок под предводительством одного самца. Самки были, по-видимому, очень привязаны к своему очень ревнивому самцу, потому что всячески старались возбудить к себе его внимание, то ласкаясь к нему, то гладя его по ногам, что доставляет, как известно, обезьянам величайшее удовольствие.

II. Любовь у человека

У женщины мы наблюдаем в общем то же самое, что мы видели в зачаточной форме в царстве животных.

Уже при изучении чувствительности у обоих полов мы убедились, что она во всех своих видах у женщины слабее развита, чем у мужчины. То же самое мы можем, в частности, сказать про половую чувствительность, благодаря чему женщине свойственно и менее интенсивное половое влечение. Подобный взгляд Серджи подтверждается, между прочим, чрезвычайно удачным выражением Теннисона, что «страсть мужчины относится к страсти женщины, как солнечный свет к лунному сиянию».

Одно католическое духовное лицо передавало Александру Дюма-сыну, что из ста молодых женщин восемьдесят признавались ему на исповеди, спустя месяц после выхода замуж, что они очень разочарованы браком.

Многие женщины, очень рано вступившие на путь проституции, признавались потом, что они пали не из-за склонности к разврату, а исключительно от нечего делать или из желания понравиться мужчине, которого они предпочитали другим.

Встречаются замужние женщины, оставшиеся тем не менее девственными.

Одна дама, переписывавшаяся с очень многими молодыми девушками, рассказывала Симмелю, что все те из них, которые имели в своей жизни какой-нибудь несчастный любовный

³ Шарль Робер Рише (1850–1935) – французский физиолог, пионер во многих областях исследований, таких как нейрохимия, пищеварение, терморегуляция у гомойотермных животных и дыхание. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1913 году.

роман, второй раз его уже не повторяли. Отсюда видно, что любовное влечение не есть для женщины настолько непреодолимое чувство, которого она не могла бы побороть в себе.

По этому поводу Поль де Кок⁴ пишет: «Любовь женщины пропорционально увеличивается с жертвой, которую она приносит своему любовнику: чем более она ему уступает, тем сильнее она к нему привязывается. Что касается мужчины, то его, напротив, страсть утомляет, а частое удовлетворение ее даже надоедает ему; одним словом: неудовлетворенное желание возбуждает его, удовлетворенное охлаждает, а полное пресыщение даже разрушает те узы, которые налагает любовь».

Факт этот находится, по-видимому, в явном противоречии, с одной стороны, с тем, что у женщины первичные и вторичные половые органы (матка, влагалище, яичники, грудные железы) и многочисленнее и сложнее, чем у мужчины, а с другой – с той распространенной азбучной истиной, будто в жизни женщины любовь играет более главную роль, чем в жизни мужчины. «Любовь, – пишет г-жа де Сталь,⁵ – для мужчины – один только эпизод, а для женщины – все». Действительно, каждому известно, что важнейший жизненный вопрос всякой молодой девушки всегда сводится к жениху и выходу замуж. Эти два противоречия примиряются, если мы вспомним, что у женщины потребность в сохранении потомства, в материнстве преобладает над ее индивидуальным желанием. Именно эта потребность и влечет женщину к мужчине. Любовный инстинкт ее всецело подчинен материнству. Мы уже раньше сказали, что женские половые органы более сложны и многочисленны, чем мужские, но они служат не только для половых отправления, но и целям материнства, именно для питания и выращивания новорожденного.

Так, например, грудные железы являются органами, возбуждающими половую страсть только у цивилизованного человека, а у дикаря они никогда такого назначения не имеют. Высказанная только что мысль находит свое оправдание уже в том, что те половые органы, которые мы вообще считаем вторичными по самому происхождению своему, суть собственно настоящие органы материнства. Сюда относится кроме грудных желез, задняя подушка у готтенток, функция которой чисто материнская, хотя она нам кажется вторичным половым органом, так как дикари всегда предпочитают тех женщин, у которых орган этот более развит.

Грудные железы имеют, стало быть, в глазах дикарей так мало значения как орган эротический и, наоборот, так исключительно ограничены своей ролью в деле материнства. При этом не следует упускать из виду продолжительность периода кормления грудью младенцев, которая длится: у русских и персов до 2 лет у австралийцев, тодов, китайцев и японцев 2–3 у grenландцев, монголов, кабиллов 3–4, у самоедов 5–6, у новокаледонцев 4–5, у эскимосов 5–6, у жителей Каролинских островов 9–10, у племен, населяющих землю короля Вильгельма 14–15.

Беккари (Путешествие его, 1880 г.) видел младенцев, которые вынимали изо рта трубку для того, чтобы пососать материнскую грудь.

Итак, нельзя признать эротическое значение за органом, который в течение столь долгого времени служит для вскармливания потомства, совершенно при этом деформируясь.

Но это еще не все. Подобно грудным железам и губы, служащие для выражения самых нежных оттенков нашей любви, были вначале также вторичным органом материнства, позднее изменившимся в эротический.

Поцелуй по своему происхождению не атавистичен и не врожден у ребенка, потому что он научается ему только со временем, он. – повторение сосательного акта, как думает Дарвин.

Почти у всех диких народов, даже у полудицилизованных, как японцы, поцелуй как символ любви совершенно неизвестен. То же следует сказать про новозеландцев, сомали, эскимос-

⁴ Шарль Поль де Кок (1793–1871) – чрезвычайно плодовитый французский писатель XIX века, чье имя долгое время служило нарицательным обозначением фривольного автора. Отец романиста и драматурга Анри де Кока.

⁵ Баронесса Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (1766–1817) – французская писательница, теоретик литературы, публицист, имевшая большое влияние на литературные вкусы Европы начала XIX века.

сов и др. Левин⁶ сообщает, что у племен, живущих на высотах Читаганг, не существует выражения «поцелуйте меня», а вместо этого они говорят «понюхайте меня».

Очень может быть, что поцелуй постепенно развился из существовавшего в глубокой древности обычая кормить своих детей таким же образом, как это делают птицы. Многие матери в Европе таким образом и теперь еще кормят своих детей. Кроме того, известно, что так обыкновенно поступают женщины из племени фегениев, желая дать напиться своим грудным младенцам.

У этого народа нет никаких сосудов для жидкостей и питья. Взрослые утоляют свою жажду прямо из рек при помощи небольших камышовых трубочек, через которые втягивают в рот воду. Мать поит ребенка, набирая воды, сперва себе в рот и затем понемногу вливая ее прямо в рот дитяти (*Revue scientifique*, декабрь 1892).

Очень возможно, что из этого приема, который впервые наблюдался у «птиц, а затем перешел к нашим прародителям, и выработался первый поцелуй, бывший вначале, несомненно, больше материнским, чем любовным.

В этом, по-нашему, заключается новое доказательство того, что в природе материнский инстинкт всегда торжествует над половым.

В подтверждение высказанного нами мы можем сослаться также на Гомера и Гесиода, в поэмах которых одно и то же выражение для обозначения губ, женской груди и поцелуя употребляется при описании материнской, но никак не эротической любви.

У греков, в более позднее время, для понятия «поцеловать» встречаются термины, обозначающие выражение любви (страсти) при помощи губ (рта).

У Гомера понятие о страстном отцовском поцелуе включает просьбу и мольбу. Но Гектор в сцене прощания с Андромахой не целует ее, а только ласкает рукой. Точно так же о поцелуе нигде не упоминается при описании сцен между Венерой и Марсом, Одиссеем и Калипсо, Одиссеем и Цирцеей, Парисом и Еленой («Илиада», п. III), ни, наконец, при воспевании любовной истории Геры и Зевса в XIV песне Илиады.

Во всей «Илиаде» нет ни одного эпитета при описании губ и груди Елены, Андромахи, Бризеиды, Калипсо или Цирцеи. Упоминается только раз («Илиада», VI, 483) напитанная благоуханиями грудь Андромахи, которая берет из рук Гектора своего сына.

Если Гомер ничего не говорит о губах, груди и поцелуях Елены и Бризеиды в «Илиаде» и Пенелопы и Калипсо в «Одиссее», то это потому, что в то время эти органы не имели никакого отношения к эротической любви, а поцелуй был выражением только родительского чувства. Равным образом в Древнем Египте из пяти иероглифических слов для начертания понятия о ласке четыре (Шлецер, Хепет, Хухе, Шерон) представляют собою изображения двух рук и только одно (Хухе), да и то сомнительно, – рта и зубов.

В санскритском языке слово *kusy*, обозначающее «целовать и ласкать», служит корнем для немецкого слова *kuss*, относительно целомудренного смысла которого мы уже раньше говорили.

В древних индийских поэмах («Mahabharatha» – «Ramayana») никогда не упоминается об эротическом поцелуе, а только о материнском, между тем как в индусских поэмах новейшего происхождения находят описание целых двенадцати видов поцелуев.

Это указывает на то, что в древности в Индии и в Греции поцелуя как выражения эротической ласки не знали, как не знают его еще и теперь дикие племена или дети.

Что касается атавизма в любовной мимике, то о нем мы должны заметить следующее: некоторые дикари, как мы уже говорили, приветствуют друг друга при встречах словами: «Понюхайте меня», а читальтонги здороваются, прикладывая нос к щекам друг друга и сильно

⁶ Людвиг Левин Якобсон (1783–1843) – датский анатом и физиолог.

втягивая в себя воздух (Левин): «поцеловать», *odorari*, означает у них понюхать, т. е. поцеловать носом. (Андре. *Antropologische Parallelen*.)

Новозеландцы покрывают друг друга при встречах покрывалами, затем трут себя взаимно носами, издавая при этом нечто вроде хрюканья и сильно втягивая в себя воздух (Кук – Путешествия его).

Туземцы на острове Санта-Мария при встречах обнюхивают друг друга; поцеловать у них значит стать носом друг к другу, т. е. потереться взаимно носами.

Папуасы, тасманийцы и жители Фуги, здороваясь, всегда держат около носа или над головой какой-нибудь приятно пахнущий предмет.

На острове Сокотра при приветствиях целуют друг друга в плечо.

На островах Дружбы при встрече с другом берут его руку и сильно трут себя ею по носу и по рту.

На Королевских островах приветствие заключается в том, что здоровающиеся плотно прикладываются друг к другу носами и затем энергично трут их один о другой.

У бирман приветствие называется *nomtschi*, что, собственно, означает «вдыхание запаха» (*nom* – запах, *tschi* – вдыхание). Китайцы дружески здороваются, касаясь носами друг друга, как в Японии, или же проводя ими по щекам один у другого вроде того, как при встрече наши дамы делают вид, будто они целуются.

Если мы примем во внимание фразу дикарей: «Понюхайте меня» с жестом их, не имеющим, собственно, никакого смысла (ибо в щеках нет ничего такого, что могло бы давать ощущение обонятельному органу), то легко поймем, что поцелуй является остатком, рудиментом того обычного обнюхивания, которому подвергают друг друга при всякой встрече ослы и собаки и которое у них связано с таким сильным возбуждением того или другого чувства.

Из всех наблюдений следует, что у первобытной женщины вторичные половые органы никакого эротического значения не имели; целям любви – если так можно назвать ее тогдашнее грубое чувство – служили, как и у животных, одни лишь первичные половые органы.

В первобытные, дикие времена человек не имел времени любить; он должен был постоянно бороться за свое существование, и любовь его была чисто животная, заключаась, как и у животных, в удовлетворении одних грубых половых инстинктов. На языке дикарей ореама нет выражений, соответствующих понятиям «милая», «дорогая», «любить», а у древних ценились, как известно, одни только физические качества женщин («Дафнис и Хлоя», «Песнь Песней»).

Цивилизация породила стыд, заставивший прикрывать наготу тела, а забота о чистоте его уничтожила всякий запах его, который в первобытные времена и привлекал мужчину к женщине. Вследствие этого части женского организма, назначенные для целей материнства, которые привлекали зрение и осязание мужчины (губы и грудные железы), должны были превратиться в эротические органы. Женщина начала целыми столетиями позже мужчины сперва татуироваться, а потом и наряжаться; кокетство же ее дополнило остальное. Наконец, на чувство любви мужчины, на его страсть начала влиять исключительно красота женщины, сделавшаяся, таким образом, одним из двигателей человеческого совершенствования.

Когда, наконец, женщина восторжествовала над самкой, любовь ее начинает отодвигать на задний план ее материнский инстинкт, но последний продолжает все-таки сказываться в ней здесь и там, ставя ее чувство выше простого удовлетворения половых потребностей.

В общем женщина, как мы это выше заметили относительно птиц и перепончатокрылых насекомых, всегда более мать, нежели жена. Мы видели у многих насекомых и некоторых млекопитающих, что самка способна жертвовать собою скорее для детенышей, чем для своего самца.

В подтверждение высказанного нами взгляда мы можем сослаться на народную мудрость, которая в поговорках часто осмеивает непостоянство вдовьего горя, и на многих писателей,

которые вполне согласны с нею в этом отношении. *Dolor di vedova, dolor di cubito*⁷ – гласит одна известная поговорка. Алгаротти (Рикард. Любовь женщин, 1877) говорит, что вдова, как бы сражена и убита горем она ни была, не плачет без задней мысли: она сильно рисуется своим несчастьем с целью вызвать чужое сострадание. Рикард замечает при этом, что самая неутешная вдова, если только она молода, всегда находит какого-нибудь утешителя. На это же намекает Данте в своем знаменитом стихе, который мы привели выше: *Si comprende etc...* Боккаччо описывает в одном из своих рассказов в «Декамероне» близкую к отчаянию вдову на могиле своего мужа, которая кончает тем, что принимает ухаживания нечаянно подвернувшегося поклонника и для того, чтобы ему понравиться, доходит даже до того, что заменяет труп одного повешенного преступника трупом своего многооплаканного мужа. Шекспир рисует в «Ричарде III» вдову, выходящую очень скоро замуж за убийцу своего мужа, убийцу, которого она незадолго перед этим ненавидела и проклинала. В «Бессмертном» А. Доде⁸ есть одна сцена, в которой неутешная вдова отдается новому любовнику на могиле своего мужа. Лафонтэн был, стало быть, совершенно прав, говоря: *La perte d'un poux ne va point sans soupirs On fait beaucoup de bruit, – et puis – on se console.*⁹ Но зато ни писатели, ни поговорки народные никогда не осмеивали истинности и правдивости материнского горя; жена редко оплакивает своего мужа спустя два или три года после его смерти, но зато как часто мать льет слезы о своем дитяти в течение десяти и даже двадцати лет!

Тацит писал про германскую женщину: «Так как у нее только одно тело и одна душа, то она имеет поэтому только одного мужа. Ее мысли, ее желания никогда не расходятся с мыслями и желаниями того, с кем она связана; она любит, так сказать, не своего мужа, но супружество, в котором она с ним состоит» (Тацит. *Germania*, с. 19).

В «Принцесса Багдада» Дюма рисует жену, готовую уже убежать со своим любовником из-под супружеского крова, но ее удерживает ребенок, который хочет поцеловать ее. Нетерпеливый любовник грубо отталкивает его, – и этого достаточно, чтобы в этой женщине моментально проснулось материнское чувство. Она прогоняет того, с кем хотела убежать, со словами: «*Ah j'étais folle!.. j'étais folle!.. Mais quand cet homme a porté la main sur mon enfant!..*»¹⁰

Это господство материнского чувства над другими в женщине находится в связи с той важной ролью, какую оно играет в ее жизни. Мы уже раньше убедились, что оно обуславливает даже развитие новых органов. Теперь мы видим, что оно же ослабляет и даже совсем заглушает в женщине чисто чувственную сторону любви ее, которая так свойственна мужчине.

Этим объясняется, почему женщина не всегда ищет в своем муже красоту или молодость и отчего ее выходом замуж часто руководит не любовь, а какой-нибудь другой мотив, как, например, страсть к богатству или тщеславие, как об этом свидетельствуют Стендаль, Шамфор и г-жа де Рю.

Брак у цивилизованных народов есть вид эмансипации женщины, которая, выходя замуж, становится более свободной; брак – это, так сказать, общественный диплом ее. Понятно поэтому, что цивилизованная женщина стремится к замужеству, даже не испытывая никакой любви, и что у тех народов, где брак является синонимом рабства, он есть вместе с тем, как, например, в Австралии, источник горя и слез.

Постараемся теперь указать на другую причину антагонизма, которая существует между половым и материнским инстинктами.

⁷ Боль вдовы – боль от локтя (ит.)

⁸ Альфонс Доде (1840–1897) – французский романист и драматург, автор ярких рассказов из жизни Прованса, создатель литературного персонажа, знакового образа романтика и хвастуна Тартарена из Тараскона.

⁹ Потеря супруга не обходится, конечно, без слез; в начале очень много шумят, но потом... утешаются. (ит.)

¹⁰ О! Я была безумна!.. я была безумна!

Самки некоторых птиц (вьюрков) гонят от себя самцов после вывода птенцов (Брем). Самки жвачных животных и суки не допускают к себе самцов, если они беременны (Жозеф дю Корнелль. Умственные способности животных, Париж, 1891).

По словам Икарда у многих женщин также пропадает всякое половое влечение, как только они забеременеют (Икард. Женщина во время менструации, Париж, 1883).

С другой стороны, половое возбуждение в период течки делает злыми тех самок, которые обыкновенно отличаются кротостью. Так, например, коровы и кошки отгоняют от себя в это время своих телят и котят, которых незадолго до этого ласкали.

Однако, несмотря на этот антагонизм между половым и материнским инстинктами, Последний в основании своем все-таки чувственного характера. Многие женщины во время кормления очень часто испытывают эротическое раздражение. Есть даже такие, которые соглашались забеременеть только для того, чтобы испытывать удовольствие кормления грудью ребенка (Икард. *Op. cit.*, с. 17).

Подобное раздражение является, вероятно, следствием той связи, которая существует между ветвями симпатического нерва матки и грудных желез.

Это явление, по-видимому, несколько аналогично с тем фактом, который сообщил Кабанис,¹¹ а именно: «Если у петуха раздражать чем-нибудь заднепроходное отверстие, то, чтобы успокоить свое возбуждение, он садится на яйца и кончает тем, что приучается высидывать их так же хорошо, как и курица».

Можно сказать с положительностью, что любовь женщины к мужчине не имеет в своем основании чувственной подкладки, а является известного рода связью, которая устанавливается обыкновенно между низшим и высшим существами.

Доказательство этому мы находим в письмах Элоизы, этой женщины, привязанность которой к своему возлюбленному доходила до экзальтации, граничившей с безумием. «Видит Бог, – пишет она в одном письме к нему, – что я не искала в тебе ничего, кроме тебя самого, – такова была моя мечта. Я не думала ни о каких выгодах и заботилась – ты это хорошо знаешь – об удовлетворении не своих желаний и страстей, а только твоих. Быть может, имя супруги более священно, но я находила более нежным имя любовницы я даже (не сердись на меня!) наложницы и содержанки. Чем более я унижала себя для тебя, тем более я надеялась овладеть твоим сердцем. Если бы император предложил мне сделаться его супругой, я бы в тысячу раз скорее предпочла стать твоей любовницей, чем его женой и императрицей!» (*Heloisae epistola I*).

В другом письме она следующим образом объясняет свой отказ выйти за него замуж: «Это было бы недостойно и гадко, если бы одна женщина завладела тем, кто создан для всех. Какой ум, занятый философскими размышлениями или научными изысканиями, мог бы продолжать свою работу в суматохе, поднимаемой детьми, при болтовне мамок и среди того беспорядка, который производят в доме слуги и служанки?»

Капитан Стоддманн был болен тяжелой болезнью, от которой был спасен благодаря заботливому уходу за ним молодой негритянки из Суринама. В награду за это он хотел жениться на ней и сделать ее свободной, но она отказалась выйти за него замуж, говоря: «Господин, я создана для рабства, и брак этот только повредит тебе в глазах твоих товарищей; позволь мне лучше последовать за тобой в качестве рабыни и остаться при тебе столько, сколько я заслужу этого своей любовью и привязанностью к тебе».

Одна таитянка была влюблена в одного французского флотского офицера. Последний однажды заметил ей, что у нее очень красивая рука. Тогда таитянка сказала: «Она тебе нравится? Отрежь ее и возьми с собой во Францию!»

¹¹ Пьер Жан Жорж Кабанис (1757–1808) – французский философ-материалист и врач.

Вуд рассказывает, что одна молодая кафская девушка, увидев однажды одного начальника танцующим, до того влюбилась в него, что, потеряв всякий стыд, отправилась к нему в крааль, желая объяснить ему в своей любви. Чтобы отделаться от нее, вождь этот обратился к ее брату, который увел ее силой. Но немного спустя она вернулась к нему в крааль. Ее жестоко наказали и вторично отправили домой. Но через неделю она опять явилась к любимому ею человеку и добивалась любви его с таким упорством, что брат ее просил его взять ее себе в жены (Мантегацца¹²).

Адамоли знал в Магадоре одну женщину, муж которой убил ее любовника. Даже во время самых мучительных пыток она повторяла, что любовь ее прекратится только с ее жизнью. В другой раз ему пришлось видеть в Затме одну знатную девушку, которая влюбилась в одного генуэзца и оставила родительский дом для того, чтобы убежать с ним. Ее схватили и жестоко наказали. Во время наказания она не переставала повторять, что ни на минуту не перестанет любить христианина (Мантегацца).

Г-жа Карлайл, жена знаменитого английского писателя, отличалась вообще независимым характером. Когда она была молодой девушкой, любимым занятием ее было лазить на стены и драться со своими школьными подругами. Выйдя замуж, она стала самой кроткой и послушной слугой своего странного и жестокого мужа. В это время последний был еще беден и неизвестен, и она отдала ему все свое небольшое состояние для того, чтобы он мог свободно работать, не заботясь о средствах к существованию. Из угождения к нему она поселилась в Kraighnputtock, в местности, климат которой был очень вреден для ее здоровья. В награду за такую жертву муж запретил ей заходить к нему в рабочий кабинет и все время заставлял ее починять ему платье и обувь и готовить его любимые блюда. В продолжение целых месяцев он не говорил с ней ни слова, словно, не замечая ее вовсе, даже тогда, когда она была больна. Нередко он нарочно в ее присутствии начинал ухаживать за дамами высшего английского общества. Но никогда эта женщина не выразила своих страданий ни малейшей жалобой. «Прошу вас, – писала она ему, – быть немного добрее и снисходительнее к вашей Gooda (ее насмешливое прозвище), потому что она вас очень любит и всегда готова исполнить ваше малейшее желание; если вы ей прикажете, она полезет и на луну... Но если господин мой не найдет для меня ни одного слова, ни одного взгляда, то что же мне остается, кроме отчаяния? Я замкнусь в себе самой и сделаюсь несносной для всех...»

Сам Карлайл, мучимый угрызениями совести, говорил после смерти ее, что в годы лишений и неизвестности она была для него оплотом против его несчастий: «У нее всегда находилось сказать мне что-нибудь приятное, сообщить какую-нибудь милую историю на свой оригинальный манер... Никогда я не слышал от нее ни единого слова, которое могло бы опечалить меня или быть мне неприятным даже в самые тяжелые, мрачные дни. Она скрывала от меня все грустное и неприятное, заботливо пряча это для себя одной».

В «Путешествии по Австрии» Каде Гассикура, которое цитирует Стендаль, мы читаем следующее: «На свете нет более угодливого и кроткого существа, чем австрийская женщина... Одна венка была любовницей некоего французского офицера. Любовник не только обманывал ее, но даже знакомил с подробностями своих грязных походов; она же, несмотря на это, ухаживала за ним с полной самоотверженностью и удвоила свои заботы, когда он заболел, но он тем не менее не переменил после всего этого своего обращения с ней и любил ее не больше прежнего».

«Любовь, – пишет Жорж Санд, – это добровольное рабство, к которому стремится натура женщины». Жалуясь на то, что ее покинул Альфред де Мюссе, она говорит: «Я должна страдать для кого-то, должна исчерпать тот излишек энергии и чувства, который есть во мне. Мне

¹² Паоло Мантегацца (1831–1910) – итальянский врач и гигиенист.

необходимо, наконец, питать эту материнскую заботу, с которой я привыкла бодрствовать у изголовья страдающего и изнеможенного существа».

Приведенные строки бросают истинный свет на ту психологическую задачу, изучением которой мы заняты в настоящую минуту. Именно женщина, поставленная у всех народов в условия рабства, вполне зависящая всюду от произвола мужчины, существо слабое и не способное к энергичному сопротивлению, несомненно всегда и везде старалась действовать на лучшие чувства мужчины, чтобы добиться его расположения кротостью и привязанностью. Поэтому она всегда стремилась окружить его возможно большею нежностью, довольствуясь сама лишь ничтожными частицами ее.

К подобному приему прибегают и животные. Так, например, собака увивается у ног своего господина, прыгая от радости и желая обратить на себя его внимание, чтобы добиться от него какой-нибудь ласки.

Элоиза, во время одного из страстных порывов, освещающих душу человека до ее глубины, подтверждает своими словами только что сказанное. «Чем больше, – пишет она, – я себя унижала, тем более я надеялась овладеть твоим сердцем». Подобная нравственная черта – унижать себя с целью скорее добиться взаимности любимого человека – до того укрепились с течением времени в женском характере, что в настоящее время женщина поступает нередко так же бессознательно даже в тех случаях, когда она нисколько не надеется на благополучное осуществление своих желаний, что и есть истинная причина ее самоотверженности.

Итак, любовь женщины выражается главным образом в сильной привязанности к любимому человеку и в преданности ему, т. е. именно теми чертами, которые развиваются сплошь да рядом в слабых или более низкой организации существах, живущих совместно с более сильными и высшими. Так, например, домашняя собака, бывшая некогда, по мнению Грани Аллена, независимым, диким и хищным животным, в настоящее время, после тысячелетней дрессировки, отличается, живя рядом с человеком, такой верностью и привязанностью к нему, что уже давно вошла в поговорку. Собака часто так предана своему господину, что если последний умирает, то она нередко также издыхает, оправдывая таким образом известную поговорку, цитируемую Дарвином: «Собака – единственное существо на земле, которое любит нас больше, чем самое себя».

Характер любви женщины, хотя и косвенным образом, указывает нам на то, что она стоит ниже мужчины, так как подобные чувства могли развиваться в ней только благодаря ничтожной переменчивости ее личного «я». Сильные желания и страсти были бы несовместимы с этой склонностью ее сливать свою личность с личностью другого, с этой почти полной утратой ею всякой воли, которая обыкновенно наблюдается только в некоторых болезненных состояниях, равно как и при гипнотизме.

Поэтому женщина действительно испытывает сексуальное наслаждение от любви только в том случае, если она всецело отдается любимому мужчине. При этом она счастлива все-таки не столько вследствие физического удовлетворения своего чувства, сколько благодаря сознанию, что она осчастливила своего любовью того, кого любит. Таким образом, становится понятным отвращение, питаемое к браку столькими молодыми женщинами, выходящими замуж по коммерческому расчету за людей, которых они мало или даже совершенно не знают.

Это бросает свет на целую массу вторичных явлений и объясняет нам, почему, например, женщина избирает себе предмет любви, руководствуясь не столько удовлетворением своего полового чувства, сколько сознанием того счастья, какое она доставляет другому. Мужчина при выборе себе жены обращает внимание на многое: на красоту лица, сложение, свежесть, цвет лица и тонкость кожи, приятность голоса, грациозность манер, между тем как женщина придает значение только характеру мужчины; что же касается его наружности, то к ней она

относится безразлично, лишь бы она не была слишком отталкивающей. Таким образом, красота имеет различное значение у обоих полов.

«Женщины, – говорит г-жа Скадри, – больше ценят в мужчине мужество и часто поступают положительно несправедливо, предпочитая храброго мужчину другим, более и богаче его одаренным различными достоинствами».

Г-жа Коис того мнения, что «женщине более всего нравится военный народ: их наряд, манеры и осанка».

По мнению Шоппенгауэра, «женщины не придают никакого значения красоте лица и единственное, что их увлекает, – это физическая сила и мужество. Интеллектуальные качества мужчины также не производят на них никакого прямого впечатления, глупость в их глазах не есть порок; напротив, гораздо опаснее для желающего иметь у них успех, если он одарен недюжинными или особенно гениальными способностями».

«Коренной инстинкт женщины, – пишет Макс Нордау (Парадоксы, 1886), – влечет ее неудержимо к обыкновенному, среднему мужчине, который не слишком глуп и не слишком умен, сообразуется во всем с требованиями моды, говорит о хорошей и дурной погоде, преклоняется пред идеалами элементарной школы, придерживается взглядов и привычек зажиточного буржуа и доказывает фасоном и цветом своего галстука, что он стоит на высоте своего времени. Таким шедевром природы неудержимо увлекаются 99 женщин из ста и предпочтут его всякому иному, более его одаренному мужчине».

Действительно, в истории мы находим достаточно примеров несчастной семейной жизни гениальных мужчин, из числа которых не один Сократ нашел уже – по выражению Шоппенгауэра – свою Ксантиппу.

Как мы только что заметили, причина того, что женщина так мало ценит мужскую красоту, кроется в ее притупленной половой чувствительности. Мужчина же, более чувственный, нежели она, наслаждаясь любовью с женщиной, пускает в ход и зрение, и обоняние, и особенно осязание; поэтому степень женской красоты, которая должна удовлетворять всем этим чувствам, должна быть более сложной.

Что касается того предпочтения, какое женщина оказывает физической силе, то оно зависит от того, что она всегда ищет в мужчине защиту и опору.

«Поклонение силе, – пишет Спенсер (Введение в социологию, 1886), – имеет своим основанием закон, по которому женщина тем вероятнее производит на свет потомство, чем крепче мужчина, которому она принадлежит. Вот почему женщины постоянно ищут и выбирают себе в мужья сильных и, пожалуй, даже грубых мужчин, предпочитая им слабых, хотя последние обращаются с ними лучше».

Ввиду того что половая чувствительность женщины, будучи слабой, является ничтожным возбудителем ее, становится понятным, почему так влияют на ее личное расположение такие мотивы, как богатство, тщеславие и пр.

«Если женщина, – говорит Стендаль, – по любовному капризу отдается мужчине, то она в первые минуты больше придает значения тому, что в этом человеке нашли другие женщины, нежели она сама. Этим объясняется тот успех, который имеют у дам высокопоставленные лица и служители Марса». (О любви.) «Если вы хотите иметь успех у женщины, – пишет г-жа де Рие, – то вы непременно должны затронуть ее самолюбие».

В этом кроется также секрет того успеха у женщин, который выпадает на долю ораторов, певцов, артистов и вообще всех людей, так или иначе достигших известности. Известно, что самые красивые женщины двора Людовика XIV всегда бредили им, даже в то время, когда он был уже довольно стар.

Стендаль сообщает про одного шестидесятилетнего мужчину, влюбившего в себя молодую женщину только благодаря тому, что ему удалось задеть самолюбие одновременно у нее и у другой девушки.

«Что касается любви оперных артистов, – продолжает Стендаль, – то стоит иной раз только устранить соперницу, и страсть их, грозившая окончиться самоубийством, моментально испаряется».

Г-жа Делоне рассказывает, что однажды, когда она прогуливалась со своей подругой, к ним на улице пристал какой-то молодой человек. Им очень захотелось узнать, кто из них причина такого внимания. Каждая из них держала пари, что молодой человек имеет в виду не ее, а подругу, и рассказчица сознается, что была очень огорчена, убедившись, что предмет ухаживаний была не она, а именно... ее подруга (Воспоминания. Париж, 1892).

С другой стороны, если молодая женщина выходит замуж за старика, то это не делает такого скандала, как обратный случай. Точно так же объясняется и то обаяние, которое производят на женщин развратники, что подмечено многими психологами.

«Женщинам часто тем больше нравится какой-нибудь мужчина, чем большим успехом он пользуется в свете» (Рошбрун).

«Позволяя ухаживать за собою какому-нибудь донжуану, честная женщина, – говорит Bourget, – с гордостью думает о той победе, которую она одерживает таким образом над многочисленными соперницами своими, несмотря на то что они при ее неиспорченности должны ей казаться чудовищами».

Заключение. Женская любовь есть в сущности только особый вид материнского чувства; многие органы, служащие собственно целям последнего, сделались половыми только впоследствии; наконец, любовное чувство, питаемое женщиной по отношению к мужчине, есть следствие не полового влечения к нему, а той преданности и подчинения ему, которые развились в ней путем постепенного применения к жизни.

История проституции

I. Стыд и проституция у диких народов

Точно так же, как и преступление, проституция была нормальным явлением в жизни цивилизованных народов на заре их развития, какою она является и в настоящее время в жизни дикарей.

1. Стыд. Первобытный человек не знал никакой одежды. У племени уаатуа (Кэмерон, Экваториальная Африка, 1870) женщины носят, как и мужчины на Ново-Гебридских островах, передники, которые не закрывают их половых органов. Эскимосы в своих юртах укладываются спать совершенно голыми, без различия пола, тесно прижавшись друг к другу (Бове).

В Австралии негры мужчины и женщины ходят совершенно голыми. Когда миссионеры раздали платья туземцам, многие из них прикрыли ими свои плечи (Рудесиндо Сальвадо).

Полуевропеизированные дамы с Сандвичевых островов приплывали к европейским судам голыми, держа на голове свои платья, обувь и зонтики, чтобы потом одеться на корабле.

Женщины на острове Фернандо не носят никакой одежды, кроме шляп на голове.

Женщины племени ивилина (Экваториальная Африка) на просьбу Компьена уступить ему те куски материй, которые они носили вокруг пояса, немедленно тут же преспокойно сняли их, желая поскорее получить обещанные им в обмен зеркала.

Королева из Балонда явилась к Ливингстону совершенно голая. В общем почти все женщины этой местности носят кое-какие куски тканей, но скорее как украшения, чем с целью прикрыть свою наготу. Мужчины, напротив, более или менее здесь одеты.

Женщины аскиров в Африке одеваются только лишь после выхода замуж, но пояс, который они при этом носят, служит им скорее украшением, чем одеждой. Кисамасы ходят обыкновенно без всякой одежды.

В Новой Бретани ни мужчины, ни женщины никогда не прикрывают своих половых частей. В Новом Ганновере все женщины, совершеннолетние и несовершеннолетние, ходят обыкновенно нагими.

Кук однажды видел на одном из островов Таити взрослого мужчину, имевшего коитус с девочкой 11 лет в присутствии королевы, которая давала ему необходимые для этого наставления. Любимой формой времяпрепровождения обоих полов был, по его сообщению, половой акт (Первое путешествие, т. V).

Акт совокупления не имел в себе, по понятиям многих древних народов, ничего, что могло бы оскорбить чувство общественной благопристойности. Многие народы Кавказа, Африки и индусы совокуплялись в присутствии посторонних, подобно животным (Геродот, I, 305; III, 301). Точно так же поступали иногда этруски во время некоторых своих празднеств (Athenaeus, Deipnosoph, XII, 255). Женщины их во многих случаях являлись пред народом совершенно голыми.

Равным образом известно, как легко были одеты древние греки и как охотно они расставались со своей одеждой при всяком удобном случае (Тэн, Философия искусства). Самое слово «гимнастика» происходит от греческого слова «гимнос» (голый), что указывает на бывший в употреблении обычай раздеваться голыми для того, чтобы упражняться в известных гимнастических приемах, в которых у некоторых народов (Спарта) принимали одинаковое участие и женщины.

2. Гражданская проституция. В глубокой древности брак не существовал и проституция была нормальным явлением.

У каледонцев жены были общими и дети их принадлежали всему племени.

Наеры живут в беспорядочном половом сожитии.

Бушмены, как утверждает Лаббок, не имеют никакого представления о браке.

В языке дикарей, населяющих Калифорнию, нет слова, выражающего собой понятие «брак»; ревность проявляется у них только тогда, когда женщина отдается мужчине другого племени, как в Парагвае.

У массагетов каждый мужчина брал себе жену, которой потом пользовались все. Если кто-нибудь из них желал обладать какой-нибудь женщиной, то он привязывал свой колчан к повозке и тут же удовлетворял свое желание (Геродот. I, 216; IV, 172; III, 191; I, 93).

У назамонов и агатирзов общая принадлежность женщин являлась вполне определенным положением. Они строго придерживались ее, чтобы иметь право называться всем братьями, и чтобы среди них не было ни неудовольствия, ни взаимной зависти. С этой же целью тирренцы воспитывали своих детей вместе, причем отец ребенка оставался обыкновенно неизвестным. Озы также сообща владели женщинами. Когда у них ребенок достигал трехмесячного возраста, мужчины осматривали его, и он считался сыном того, на кого он более всего походил (Геродот).

У андаманов (и у некоторых других племен Калифорнии) женщины принадлежали одинаково всем мужчинам и у них считалось тяжким преступлением, если какая-нибудь из них не соглашалась отдаться кому-нибудь из мужчин. У них наблюдаются уже временные союзы между отдельными парами, особенно если женщина забеременела, но эти союзы почти всегда прекращаются, как только женщина разрешится от бремени. Таково происхождение брака, который из проституции и полового насилия развился так же, как право из преступления.

У тех диких народов, у которых существует брак, он, вместо того чтобы препятствовать проституции, напротив, благоприятствует развитию ее. Так, она часто обмениваются во время оргий своими женами, которых они принуждают отдаваться также их родственникам (Хартманн).

Маклин утверждает, что у кафров нет слова для выражения понятия о девственности. Когда девушка у них достигает совершеннолетия, об этом возвещается публичным праздником, и отныне всякий, кто захочет, может ею обладать.

В Дарфуре принято давать каждой девушке, достигшей совершеннолетнего возраста, отдельную хижину, куда всякий мужчина может заходить, чтобы провести с ней ночь.

В Австралии существует обычай, по которому место отсутствующего мужа заступает на супружеском ложе другой мужчина из того же племени (Энке, *Discoveries in Central-Australia*, II, 320). Девушки, начиная с 10-летнего возраста, могут вступать в связь с мужчинами, к чему возбуждают их нарочно устраиваемые с этой целью известные празднества.

У эскимосов женщина во время отсутствия своего мужа может отдаться кому ей угодно (Парри). «В любви, – сказали они одному русскому миссионеру, – мы поступаем так же, как и морские выдры» (Лангсдорф).

Женщины гendanов в Африке носили на ногах столько кожаных браслетов, со сколькими мужчинами они вступали в связь (Геродот. IV, с. 176).

Sextus Empiricus рассказывает подобное же о египетских женщинах, которые гордились числом своих любовников (Хип, Пирр., I, 14).

В Тибете девушки носят на шее кольца, подарки своих любовников. Значение их далеко не безразлично: чем больше их у девушки, тем с большей торжественностью празднуется ее свадьба.

На островах Дружбы туземные девушки являлись на европейские корабли и отдавались на них матросам. Уходя, они говорили: «Mitzi, bongni mitzi», т. е. «Мы сегодня любили, завтра повторим это».

Почти у всех индейских племен, живущих на севере Америки, как, например, у апачей, девушка до выхода замуж и после него одинаково свободна и может отдаваться кому захочет.

У некоторых племен на Панамском перешейке самые знатные женщины считают недостойным для себя поступком отказать в своих любовных ласках кому бы то ни было, кто бы ни просил их об этом.

Подобное половое смешение, как и течка у животных, повторяется здесь периодически, преимущественно в жаркое время года, изобилующее всевозможными плодами (Ломброзо. Белый человек и черный человек, 1870).

В Никарагуа существовал ежегодный праздник, во время которого женщины имели право отдаваться всякому, кто им нравился (Бэнкрофт).

3. Гостеприимная проституция. Все изложенное достаточно объясняет, каким образом могла развиваться гостеприимная проституция. Обычай предлагать жен своим гостям распространен на о. Цейлоне, в Гренландии, на Канарских островах, на островах Таити, и отказать от предлагаемой женщины считается здесь большой обидой для хозяина. «Я не могу допустить, – говорил один туземный начальник одному священнику, – чтобы какая-нибудь религия могла запретить подобное невинное удовольствие, которое есть в то же время услуга для страны, так как увеличивается ее население новым существом» (Радиге, I).

Когда миссионер Харрис отказался в Нукагиве от подобного почетного предложения, туземные женщины ночью пробрались к нему, желая убедиться, мужчина ли он (Полдинг).

Буске, путешествовавшему по Японии, один отец предлагал свою дочь в присутствии мужа последней.

Марко Поло жил в Тибете у одного туземца, который нарочно уходил из дома, для того чтобы он мог свободнее наслаждаться обществом его жен.

На Марианских и Филиппинских островах туземцы предлагали спутникам Коцебу своих дочерей. Туземки из Манны отдавались солдатам гарнизона, расположенного в Перузии.

У ассанов женщина может в третий день каждой недели отдаваться иностранцу (Хартманн).

У арабского племени гассиниэ женщина также свободна в половом отношении раз в четыре дня.

У негров ассини глава семейства, желая почтить гостя, предлагает ему обыкновенно свою дочь (Op. cit.).

У племени надовесси славилась женщина, если после известного праздника была в состоянии отдаться 40 военачальникам (Карвер. *Travels in North America*, с. 142).

Нередко случается, что муж продает свою жену. Так, в Дарфуре мужья уступают иностранцам своих жен за известное вознаграждение (Летурно).

В Кохинхине отец может продать за ничтожную плату свою дочь гостю или даже чужеземцу без того, чтобы это дурно повлияло на ее будущность (Летурно).

Итак, из этих примеров мы видим, что брак, в простейших формах своих, не только не искореняет проституцию, но даже, напротив, поддерживает ее.

Это беспорядочное половое сожитие служит причиной явления, находящегося, по-видимому, в противоречии с тем презрением, на которое всегда и везде осуждена женщина. Мы говорим о матриархате, т. е. о родительской власти, принадлежавшей в первобытные времена матери или брату ее. Следы его мы наблюдаем в Австралии, в Конго, в Луанго, у туарегов, у древних египтян и у этрусков, у наеров и у многих американских племен (Карвер. Op. cit., с. 258). Согласно матриархату положение и имущество обыкновенно наследуются от матери, а отец часто смешивается с дядей.

Это же беспорядочное половое сожитие породило странный обычай, распространенный в Америке, в Азии, у басков и пр., который заключается в том, что после рождения женою ребенка муж ее ложится в постель, как бы симулируя роды. Обычай этот имеет, по-видимому, целью навести на мысль о том, что предполагаемый отец имеет свою долю участия в рождении детей, а следовательно, он должен иметь и известную власть над ними (Тэйлор. Op. cit.).

4. Полиандрия. Человек перешел от смешанного (беспорядочного) полового сожития к моногамии не прямо, а через некоторые формы, рассматриваемые нами в настоящее время как преступления, а именно: полиандрию, кровосмешение, насильствование и насильственное похищение женщин.

У древних номадов, точно так же как и у некоторых арабских племен, женщины принадлежали одинаково всем мужским членам семейства.

В Тибете старший брат избирает себе жену, которой затем пользуются все его братья. Последние все переселяются на жительство в дом к новобрачной. Дети могут наследовать лишь от матери, так как только по отношению к ней родство не может быть оспариваемо (Тернер. История путешествий, XXX, с. 437).

У тодов жена старшего сына становится постепенно женой всех младших братьев мужа по мере того, как они подрастают, а эти, в свою очередь, становятся мужьями ее сестер (Шот. *Op. cit.*, с. 240).

У наиров женщина обыкновенно имеет 5–6 мужей. Но число их может доходить до 10, причем она с каждым из своих мужей живет по очереди 10 дней. Что полиандрия есть, в сущности, только переходная ступень от смешанного полового сожития к простейшей форме брака, доказывается тем, что при ней допускается для женщины одновременное половое сожитие с несколькими мужчинами только в том случае, если все они принадлежат к одному и тому же племени, в некоторых случаях даже к одной и той же касте (Спенсер. Социология, 11).

У сингалезов только братья имеют общих жен, так что половое смешение имеет здесь место в пределах одной семьи.

В Полинезии всякий мужчина имеет право пользоваться женой своего интимного друга (Летурно).

Таким образом, начало половой нравственности кроется в желании делить свое супружеское ложе лучше с членами одной и той же семьи, чем с целым племенем.

5. Религиозная проституция. Даже после упрочения брака остатки смешанного полового сожития еще долго наблюдались в некоторых свадебных обрядах, как, например, у санталов, у которых браку женщины предшествовало беспорядочное обладание ею кем угодно в течение шести дней. Точно так же на Балеарских островах новобрачная отдавалась на первую ночь всем присутствовавшим гостям, как и во время феодализма в средних веках она принадлежала в течение этой ночи своему феодальному властелину.

Гераклидес Понтикус (364 до Р. Х.) рассказывает, что в отдаленные времена тиран острова Кефалонии лишал невинности всех девушек, которые готовились выйти замуж.

В Талмуде мы читаем, что девушка до выхода своего замуж должна была провести одну ночь с Тафеаром. Геродот рассказывает, что у адирмахидов все девушки, готовившиеся выйти замуж, приводились к царю, растлевавшему тех из них, которые наиболее отличались красотой.

В Камбодже в XIV столетии ни одна девушка не выходила замуж, не быв предварительно лишена невинности бонзами (жрецами), которые получали определенную плату за свой труд (*thing-thang*) (Н. Ремюза, *Mlanges Asiatiques*, с. 118).

Все это остатки древней проституции, по которой женщина, прежде чем сделаться собственностью одного, отдавалась на растление многим или же самому могущественному политическому или духовному члену своего племени.

У китайцев остатком полигамии является обычай покупать несколько «маленьких жен», подчиненных законной «великой жене», которая и считается матерью всех родившихся детей. Что же касается полиандрии, то следами ее являются законоположения в кодексе Ману, на основании которых деверю предоставляется право оплодотворять свою бесплодную невестку вместо мужа.

6. Юридическая проституция. Другая ветвь первобытной проституции есть тот вид ее, который можно было бы назвать юридической проституцией. Сюда принадлежит левират (ужи-

чество), т.е. обязанность младшего брата жениться на вдове старшего брата в случае смерти его. Обычай этот, существующий у евреев, мексиканцев, афганцев и чипперейев, имеет основание во взгляде на женщину как на слабое существо, считающееся собственностью всего семейства.

Другой источник подобной проституции заключается в том уважении, которым пользовались у некоторых народов проститутки. Оставляя свое позорное ремесло, они выходили замуж и становились нередко предметами особенного почитания. Существует предание, что даже сам Будда, прибыв в индийский город Везали, был принят великой начальницей куртизанок (Спир. Жизнь в древней Индии, XXVIII). В Абиссинии публичные женщины занимали порою очень высокое положение при дворе и нередко становились правительницами городов и даже целых провинций (Комбе де Тамизье. Путешествие в Абиссинию, II, 116).

Наконец, остатком этого рода проституции, служащим переходною ступенью к нормальному браку, является у многих народов полная свобода в половом отношении девушек, прекращающаяся вместе с выходом их замуж.

У шинуков в Америке девушки ведут развратный образ жизни, а замужние женщины, напротив, отличаются чистотой своих нравов. Тиапы также придают очень мало значения нравственному поведению девушек до выхода их замуж, хотя и женятся охотно на девушках, уже потерявших свою девственность.

В Кохинхине на супружескую верность мужа смотрят как на его обязанность; между тем родители нередко торгуют своими дочерьми, что, впрочем, не мешает последним выходить замуж.

У киунгта и у некоторых горных племен ассама, равно как на Марианских и Каролинских островах, девушки развратничают самым ужасным образом, но после выхода замуж начинают вести самый примерный образ жизни (Левин).

Итак, мы видим, что среди диких народов весьма распространено половое сожитие, подобно тому как оно существует в царстве животных.

II. Проституция у исторических народов

(см. Дюфур «История проституции»)

У цивилизованных народов мы находим в первобытные времена те же самые явления, которые мы в настоящее время наблюдаем у дикарей, т.е. проституцию всех видов, как-то: религиозную, гражданскую, гостеприимную и юридическую, и притом в таком распространении, которое как нельзя более доказывает, что стыд и самый брак суть продукты только более позднего развития.

1. Восток. Религиозная проституция. Геродот повествует, что в Вавилоне все женщины, в нем родившиеся, должны были по крайней мере хоть один раз в своей жизни явиться в храм Мелитты, чтобы там отжаться какому-нибудь чужеземцу. Они должны были оставаться в этом храме до тех пор, пока кто-нибудь из этих чужеземцев не бросал им на колени известную сумму денег и приглашал их к коитусу.¹³ Деньги, полученные таким путем, считались священными (I, 199).

В Армении богиней проституции почитали Анаис, храм которой напоминал собой храм Мелитты в Вавилоне.

Вокруг этого храма находились обширные поля, окруженные высокими стенами, за которыми жили женщины, посвятившие себя этой богине. Вход сюда разрешался одним только чужестранцам. Жрецы и жрицы этого храма избирались из представителей и представитель-

¹³ Коитус – это половой контакт между двумя людьми с целью продолжения рода или получения удовольствия.

ниц самых благородных и знатных фамилий страны, причем продолжительность служения их богине определялась всегда их родными. Уходя оттуда, женщины эти оставляли в пользу храма все, что они заработали, и с успехом выходили замуж, причем женихи их справлялись в храме об их поведении. Девушка, которую посетило наибольшее число иностранцев, считалась самой желанной невестой (Страбон).

У финикийцев также существовала гостеприимная и религиозная проституция. По словам Евсевия, у них был обычай отдавать на растление чужеземцам своих дочерей единственно во славу традиций гостеприимства. Храмы, посвященные богине Астарте и находившиеся в Тире, Сидоне и в главных городах Финикии, были местами, где проституция практиковалась в самых широких размахах. Это продолжалось до IV столетия, именно до царствования Константина Великого, который разрушил храмы Астарты и на их местах построил христианские церкви.

В финикийских колониях религиозная проституция получила торговый характер, который вообще был свойствен этому народу. При въезде в город Карфаген находились так называемые «Benoth Sukkoth» (палатки девушек), т. е. публичные дома, в которых молодые девушки, торгуя своим телом, отдавались за деньги чужестранцам с целью заработать таким путем приданое, выйти замуж и сделаться очень почтенными, целомудренными женами, пользовавшимися большим уважением своих мужей. Они стекались сюда со всех сторон в таком огромном количестве, что многие из них в силу конкуренции не могли вернуться на родину так скоро, как желали бы, чтобы там выйти замуж.

На острове Кипре было также много храмов, где культ Афродиты сопровождался такими же религиозными обрядами. В Киликии, в Тамазисе, в Афродизиуме и в Италии священная проституция исходила из тех же мотивов и выражалась в тех же формах.

В Сузе, Экбатане и у парфян существовали скалы проститутток.

По словам Геродота, девушки в Лидии зарабатывали себе приданое путем проституции и продолжали заниматься ею вплоть до выхода замуж. Приданое давало им возможность выбирать себе по своему вкусу мужей, которые не всегда имели право отказаться от чести подобного предложения.

Они вместе с купцами и ремесленниками Лидии участвовали в расходах по сооружению памятника на могиле Алиатта, отца Креза. Надписи, сделанные в память этого, указывают, какую именно долю дала для этого каждая из участвующих сторон. Оказывается, что куртизанки понесли гораздо большие расходы, нежели ремесленники и купцы.

Геродот следующим образом описывает нам праздники, совершавшиеся в городе Бубасте в Египте, в честь богини Изис: «Мужчины и женщины путешествуют по реке все вместе, без всякого различия пола. Пока длится это путешествие, некоторые женщины бьют в кастаньеты, мужчины играют на флейтах, прочие же поют и бьют в ладоши. Когда приближаются к какому-нибудь городу, лодки причаливают к берегу; одни женщины продолжают бить в кастаньеты, другие перебраниваются с женщинами, находящимися на берегу, а третьи танцуют, бесстыдно поднимая свои платья кверху». В храме богини Изис собирались одновременно сотни тысяч пилигримов, которые предавались здесь самому дикому разврату.

Непристойности культа богини Изис становились особенно грандиозными, когда церемонии совершались в подземельях при посвящении какого-нибудь новичка в таинства его после целого ряда искусов и очищений. Геродот, посвященный во все тайны этого культа египетскими жрецами, говорит об этом довольно много, несмотря на всю свою сдержанность.

Хеопс воздвиг свою колоссальную пирамиду, постройка которой длилась двадцать лет и поглотила бездну денег, на средства, добытые его дочерью проституцией. Но последняя все еще была недовольна исполнением взятой на себя задачи и просила каждого посетителя дать ей еще на один камень для возведения особого строения по ее плану. «Из этих камней, по

словам одного жреца, – говорит Геродот, – и была выстроена между тремя возвышающимися пирамидами четвертая».

У евреев, до окончательного издания Таблиц Законов, всякий отец имел право продать свою дочь в наложницы на известный срок, означенный в продажном контракте. Деньги, полученные при этой продаже, поступали всецело в его пользу, и девушка при этом ничего не получала, кроме тех случаев, когда господин ее выдавал ее замуж за своего собственного сына, а сам брал себе другую наложницу. Этой торговле дочерьми положил конец только Моисей: «Не продавай своих дочерей для того, чтобы земля не покрылась пятном и нечистью» (Кн. Левит. XIX).

Богу Молоху, который изображался в виде человека с телячьей головой и с протянутыми вперед руками, приносили в жертву плоды, муку, диких голубей, ягнят, баранов, быков и даже детей. Все эти жертвы бросались в одно из семи отверстий, зиявших на животе этого бронзового идола, внутри которого помещалась огромная печь, где они сжигались. Чтобы заглушить крики их, жрецы Молоха во время жертвоприношений поднимали страшный шум игрою на систрах и барабанным боем. Под этот-то шум поклонники его и совершали самые грубые и непристойные обряды.

Приверженность к подобным обрядам так глубоко укоренилась среди еврейского народа, что некоторые секты пытались ввести их в культ единобожия, чем осквернили свои храмы.

Поклонение Ваал-Феору, или Вельфеору, любимому божеству мидианитян, распространилось среди евреев так сильно, что оно часто заменяло собою служение Богу Авраама.

По Шелдону, Вельфеор изображался в виде огромного истукана с приподнятым и свернутым на голове платьем» как бы для того, чтобы показать свои половые органы. Что касается пола его, то Миньо думает, что он был гермафродит, в то время как Делюр того мнения, что истукан этот имел мужские половые органы. В храме, посвященном Вельфеору, жило множество женщин, которые продавались, и вырученные таким путем деньги клали на его алтарь. Во время известных религиозных обрядов в честь этого бога, совершавшихся ночью в глубине священных лесов, жрецы и поклонники его наносили друг другу ножами неглубокие раны и, разгоряченные вином и возбужденные музыкой, плясали до тех пор, пока тут же не падали без сознания в лужи собственной крови.

Несмотря на запрещение Торы, проституция эта, указания на которую мы находим даже во времена Маккавеев, продолжала существовать еще долгое время. Сюда относятся также фаллические празднества, которые совершались сообща евреями и моабитскими девушками, устраивавшими у Бет-Эскимота палатки, где они торговали драгоценностями и своим телом (Кн. Моисей IV, гл. XXV).

Можно сказать, что через всю историю еврейского народа проходит непрерывная борьба законодателей и пророков с проституцией и половой разнузданностью народа. Подобно тому как в настоящее время каждый думает о куске насущного хлеба и некоторых удобствах, так точно некогда всякий заботился о свободе своей половой жизни.

Проституция гражданская. Наряду с религиозной проституцией развивалась и гражданская проституция.

Пророк Варух говорит: «Вдоль улиц сидят женщины, опоясанные веревками, и возжигают благовония. Та из них, которая приглашена для совокупления с прохожим, хвастает потом перед своей соседкой, не видевшей, как он развязал свой пояс» (Варух, VI).

В истории Тамары описываются уличные блудницы, скрытые под покрывалами, сидящие на краю дорог и следующие за всяким, кто может им заплатить. В Библии они изображаются то неподвижно сидящими на перекрестках дорог, скрытые под покрывалами, то неприлично одетыми, сжигающими благовония и распеваящими песни. Но эти блудницы, по крайней мере, большинство их, не были еврейками. Они называются просто чужеземками, и были родом из Сирии, Египта и Вавилона.

2. Греция. Религиозная проституция. В Греции также была распространена в глубокой древности религиозная проституция.

Солон на доходы учрежденных им в Афинах диктериад (публичных домов) построил храм в честь богини проституции против ее статуи, у подножия которой собирались процессии верных прозелитов этой богини. Афинские гетеры принимали деятельное участие в празднествах в ее честь, которые совершались в четвертый день каждого месяца и во время которых они занимались своим ремеслом в пользу этого храма.

Другие такие же храмы находились в Фивах, в Беотии и в Мегалополисе, в Аркадии.

Культ Афродиты был не что иное, как культ проституции, как это доказывают различные названия, данные этой богине.

Так, она называлась «Pandemos» (всенародной), «Hetaira» или «Porne» (гетера, представительница грубой чувственности), «Peribasia», по латыни «Divaricatrix» – слово, содержащее намек на похотливый акт. Затем ее называли «Melanis», то есть черной, или богиней любовной ночи, потому что храм ее был окружен непроницаемым для дневного света лесом, где влюбленные бродили ощупью. Она носила еще названия «Mucheia» (богиня тайных мест), «Castnia» (богиня бесстыдных совокуплений), «Scotia» (богиня мрака). «Darcetos» (богиня праздной лени), «Kallipygos» (богиня с красивыми ягодицами), наконец «Mechanitis» (механическая богиня), так как изображения ее из дерева с мраморными ногами и лицом, будучи приведены в движение при помощи скрытых пружин, передавали самые циничные и грязные позы и движения.

Роль жриц этой богини часто исполняли куртизанки и способствовали таким образом увеличению доходов ее храмов. Страбон уверяет, что в храме Афродиты в Коринфе жило более тысячи гетер, посвященных его посетителям.

В Древней Греции был распространен обычай посвящать Афродите для умиловления ее известное число совсем молодых девушек. Так, мы знаем, что Ксенофонт из Коринфа, отправляясь на Олимпийские игры, обещал посвятить ей пятьдесят гетер, если она дарует ему свободу. «О, владычица Кипра, – восклицает поэт Пиндар в оде, составленной в честь его победы, – Ксенофонт приведет в твой обширный лес целую вереницу в пятьдесят красавиц!.. А вы, молодые красавицы, – обращается он затем к этим последним, – вы, которые даете у себя приют и гостеприимство всем чужеземцам, вы, жрицы богини Пито в богатом Коринфе, возжигайте благоухания перед изображением Афродиты и, призывая мать любви, умолите ее не отказать нам в ее небесной милости и дать нам то блаженство, которым мы наслаждаемся, срывая нежный цвет вашей красоты».

На одной древнегреческой вазе из знаменитой коллекции Дюрана изображен храм Афродиты, в котором куртизанка при посредстве рабыни принимает предложение одного чужестранца, увенчанного миртовым венком и держащего в руке кошель с деньгами.

Празднества в честь Адониса были не обыкновенные оргии. Гетеры посвящали храмам его значительную долю заработков, полученных путем проституции. Они обыкновенно пользовались празднествами в честь его, на которые отовсюду стекалась масса чужестранцев, для того чтобы предаваться в это время самому широкому разврату якобы во славу и под защитой этого бога.

Проституция гражданская. Прочное распространение религиозной проституции и натолкнуло, вероятно, Солон на признание и регламентацию гражданской проституции. При нем она впервые является официальной в государстве, которое получает от нее известный доход.

Солон имел в виду доставить государству те доходы от проституции, какие получали от нее до сих пор храмы, и для этого он устроил в Афинах публичный дом, служивший для удовольствий афинской молодежи и для ограждения личности и покоя честных женщин. Дом

этот, куда всякий имел доступ, назывался «диктериадой» (dicterion), и в нем жили купленные и содержимые за счет государства рабыни.

«О, Солон, – восклицает поэт Филемон в одной из своих комедий, – ты сделался благодетелем народа: в этом учреждении ты усмотрел его благо и спокойствие!

Ты устроил дома, в которых поместил для общественных нужд женщин, купленных тобою и служащих для того, чтобы отдавать свои ласки всякому, кто за это заплатит. Этим ты предусмотрел и предупредил большой вред и неизбежное зло!»

Входная плата в диктериады, одинаковая для всех посетителей, была очень умеренная. По словам Филемона, она во времена Солона не превышала одного оболы, что на наши деньги равняется приблизительно 10–12 коп.

Ксенарх в своем «Penthale» и Евбулид в «Parenchis» дают нам описание женщин, живущих в этих притонах разврата. Они носили платья из прозрачных тканей, чрез которые взор мог видеть все. Некоторые из них одевались с еще более тонким цинизмом, прикрывая лица вуалью и грудь тонкими нежными тканями и оставляя прочие части тела неприкрытыми.

Диктериады, к какому бы разряду они ни принадлежали, пользовались привилегией полной неприкосновенности: они считались убежищами, где каждый гражданин находился под защитой общественного гостеприимства, и туда никто не имел права проникнуть с целью совершения какого бы то ни было насилия.

Ни для одного гражданина, каково бы ни было его общественное положение, не считалось позорным посещать эти дома терпимости. Напротив, по мнению одного юмористического римского писателя, осмеивавшего нравы афинян, их даже должен был посещать всякий молодой человек, чтобы там заканчивать свое воспитание: *non est flagitium scortari hominem adolescentulum*.

Проституция эстетическая. Проституция была различных категорий. В числе их выделяется эстетическая, или просвещенная, проституция, которая впоследствии наблюдалась в 1500 году в Италии и в 1700 году во Франции. Проститутки, принадлежащие к этому классу, славились как искусные певицы, музыкантши и флейтистки. Они вели совершенно свободный образ жизни и занимались своим искусством особенно во время различных религиозных празднеств. Гетеры эти не отдавались за деньги, подобно обыкновенным проституткам диктериад, первому встречному, но следовали в этом отношении своим симпатиям и антипатиям. Они часто по своему уму, образованию и изяществу манер становились достойными подругами самых выдающихся людей Греции.

Их можно разделить на две различные категории, которые обе и составляют аристократию этого рода проституции: на гетер-наперсниц и гетер-философов. Представительницы второй категории, находясь постоянно в обществе мудрецов и поэтов, научились от них искусству трактовать о философии и других науках и бывали посвящены во все современные вопросы, между тем как гетеры-наперсницы, менее образованные, чем эти, отличались умением веселиться, оживленностью и умом, благодаря которому им удавалось подчинить себе выдающихся людей своими утонченными ласками, и репутацией. Так, например, в Египте с Птолемеем Филадельфом совершенно разделяла власть его гетера Агатоклея.

Но к какому бы классу проститутки ни принадлежали, положение их в Древней Греции было официально, и находились они всегда в зависимости от народа. Они, например, не имели права самовольно оставлять пределы республики, не испросив на то предварительно разрешения архонтов, которые давали его только в тех случаях, когда были уверены, что уезжавшие вернутся назад на свое место жительства.

Гетеры занимались своим ремеслом совершенно свободно, публично, и это доказывает, насколько нормальным явлением считалась во все времена проституция. Если молодому афинянину нравилась какая-нибудь гетера, он, по словам Люциана, Алкифрона и Аристофана, писал ее имя на стенах храма, прибавляя к нему несколько лестных или шуточных эпитетов.

Утром каждая куртизанка посылала свою рабыню читать на стенах храма надписи, и если в числе их находилось и ее имя, то она в знак согласия отправлялась в храм и там ожидала своего поклонника у своей надписи.

Эсхил прямо говорит, что «гетеры торгуют собою у ворот храма».

Люциан выражается более точно, говоря, что «большой рынок гетер находится в конце двора храма, направо, около ворот Дюпилон». Нередко любовный торг совершался и у подножия той или другой статуи, воздвигнутой в честь какого-нибудь знаменитого гражданина, павшего в бою.

Значение проституции в жизни греков было так велико, что она породила даже особую, специальную литературу. Так, например, Киллистрат написал «Историю гетер», а Макон собрал наиболее остроумные изречения всех знаменитых куртизанок.

Аристофан Византийский, Аполодор и Горгий собрали сведения о жизни ста тридцати пяти гетер, которые прославились у афинян и славные подвиги которых были достойны того, чтобы о них узнало потомство. Те из них, клиентами которых были военачальники, правители городов, жрецы и философы, подчинялись одному только ареопагу, между тем как все прочие проститутки зависели обыкновенно от низших судебно-административных учреждений.

3. Рим. Проституция религиозная. Проституция имела также и в Риме свой культ. Одним из самых древних храмов в нем был храм Венеры Клоацинской, около которого по вечерам собирались куртизанки в поисках поклонников и часть заработанных ими денег посвящали этой богине.

В Риме и вообще в Италии рядом с проститутками принимали участие в циничных приапических празднествах также и замужние женщины, матроны, которые отличались от куртизанок только тем, что носили покрывала.

Очень часто при таких церемониях золотые венки и гирлянды цветов вешались не только на голову чтимого божества, но и на его половые органы. «Cingemus tibi mentulam coronis», – говорит один из стихов Приапси.

Точно так же совершались празднества в честь бога Мутинуса, Мутунуса или Тутинуса, который отличался от изображения бога Приапа тем, что изображался сидящим на троне, а не стоящим, как последний. Культ этого божества представляет собой древнейшую форму религиозной проституции в Риме. Вышедшая замуж девушка, прежде чем отправиться в дом к своему жениху, приводилась к статуе этого божества и садилась к нему на колени в знак того, что она как бы приносит ему в жертву свою девственность.

«In celebratione nuptiarum, – говорит св. Августин, – supra Priapi scapum nova nupta sedere jubebatur¹⁴». Лактанциус делает намеки на то, что девушки нередко не удовлетворялись одним сидением на коленях этого бога. «Et mutinus, – говорит он, – in cujus sinu pudendae nubentes praesident, ut illarum pubicitiam prior deus delibasse videatur¹⁵». Стало быть, приношение в жертву девственности бывало иногда реальным актом.

Замужние женщины в случае своего бесплодия обращались также к этому божеству и снова садились на его колени, чтобы сделаться плодовитыми.

По словам св. Августина, в постели новобрачных часто клали изображение богини Пертунды, или Претонды, чтобы помочь супругу в его трудном деле дефлорации. Арнобий на этот счет говорит: «Pertunda in cubiculis praesto est virginialem scrobem effondientibus maritis¹⁶».

В этом также видно указание на некогда существовавшую религиозную проституцию.

Культ богини Изис даже в более цивилизованные времена был не более как особый вид проституции. Храм ее и посвященные ей рощи служили местом свидания для пар, растор-

¹⁴ На свадьбе Приапа выше новая невеста, чтобы сидеть и приказывать (лат.)

¹⁵ Нужны изменения в лоне, где раньше никто не бывал, чтобы удачно выйти замуж и познать Бога (лат.)

¹⁶ Пертунда помогает новоявленным мужьям (лат.)

нувших свои брачные узы, и влюбленных. Посредницами между последними являлись жрицы, занимавшиеся устройством свиданий, передачей писем и всякими иными делами, имевшими целью помочь обольстителю увлечь свою жертву.

Проституция гражданская. Обширное распространение в Риме гражданской проституции доказывается богатством синонимов на латинском языке для обозначения разного рода проституток, что заставляет думать, будто они делились на множество каст, чего, однако, на самом деле не было.

Так, «*Alicariae*», или булочницы, держались вблизи булочников и продавали лепешки, приготовленные из крупитчатой муки без соли и дрожжей, назначенные для приношений Венере, Изис, Приапу и другим богам и богиням. Лепешки эти, называвшиеся «*coli phia*» и «*siligines*», имели обыкновенно форму мужских и женских половых органов.

«*Bustuariae*» назывались те проститутки, которые по ночам бродили около могил (*busta*) и костров и часто исполняли роль плакальщиц во время погребальных обрядов. Далее «*Casalides*» (или *casoridas*, *casoritae*), жили в отдельных небольших домиках (*casae*), откуда они и получили свое прозвание. «*Сорae*», или «*taverniae*», жили в трактирах и гостиницах, а «*diobalares*», или «*diobalae*», было название старых, изношенных женщин, которые требовали от поклонников за свою любовь только два обола, Плавт говорит в своем *Pennulus*, что к услугам последнего рода проституток обращались исключительно негодные рабы и самые низкие люди (*servulorum sordidulorum scorta diobolaria*). «*Forariae*», или «приезжими», назывались девушки, являвшиеся из деревень в город, чтобы в нем заниматься проституцией, а «*Famosae*» – патрицианки, матери семейств и матроны, не стыдившиеся развратничать в публичных домах, чтобы удовлетворить свою ненасытную похотливость и позором заработать деньги, а потом пожертвовать их на храмы и на алтари чтимых богов. «*Junicae*», или «*vitellae*» обязаны своим названием исключительно своей тучности, а «*noctilucae*», или «*noctuvigiles*», – тому, что они бродили по улицам только ночью, как ночные сторожа.

Публичные женщины носили еще и другие названия, именно: «*mulieres*», или женщины «*pallacae*» – в воспоминание о вакханках, которые носили туники из тигровых шкур, «*prosedae*» – так как они, сидя, ожидали, чтобы их кто-нибудь пригласил для коитуса. Кроме того, они особенно часто назывались, как и в Библии, «*peregrinae*», или чужестранками, так как в большинстве случаев они являлись из чужих стран в Рим, чтобы здесь торговать своим телом. Наконец, они носили также название «*putae*» («*puti*», «*putilli*»), корень которого перешел почти во все романские языки. Затем «*Vagae*», или «*circulatrices*», назывались бродячие проститутки, «*ambulatrices*» – те, которые гуляли на наиболее многолюдных улицах, а «*scorta*» – самые низкие из них, каковое название на простонародном языке можно передать словом «шкуры». «*Scorta dvia*» назывались те проститутки, которые принимали своих поклонников у себя дома, но для этого постоянно находились у окон своего жилища, чтобы обратить на себя внимание прохожих. Для всех проституток было одинаково оскорбительно, когда их называли «*scrantiae*», «*scraptae*» или «*scratiae*» – очень бранные слова, приблизительно означающие «ночной горшок» или «стульчак» – выражения, которым соответствует в современном миланском наречии слово «*seggiona*». Низший класс проституток назывался в Риме еще «*Suburranae*», что, собственно, значит «жительницы предместья», потому что *Suburra* – одно из предместий Рима, находившееся около *Via Sacra*, было заселено исключительно ворами и проститутками. Название «*Schaenicalae*» носили те женщины, которые продавались солдатам и рабам и носили тростниковые или соломенные пояса как знак своего постыдного ремесла. Наконец, «*paniae*» назывались карлицы или маленькие девочки, которые начинали проституировать с шестилетнего возраста.

В Риме проституция процветала всюду: в храмах, на улицах и даже в театрах.

Сальвиан выражается следующим образом про тогдашние оргии: «Минерве воздают почести в гимназиях, а Венере – в театрах».

В другом месте он говорит: «В театрах творятся самые непристойные вещи, а в гимнастических залах имеют место самые безобразные сцены». Исидор из Севильи идет в своей «Этимологии» еще дальше. Он говорит, что театры были синонимами публичных домов, так как в них куртизанки по окончании представления публично предавались разврату.

В Риме существовал также особый род проституции, которая совершенно не подчинялась надзору эдилов и которую можно было бы назвать эстетической, или изящной, соответственно тому, как в латинском языке она называлась словом «bona». Куртизанки, принадлежавшие к этому классу, назывались «bonae meretrices», что указывало на их более высокое совершенство в их ремесле. В действительности они не имели никакого отношения к обыкновенным несчастным жертвам проституции. У всех у них были свои привилегированные любовники, «amasii» или «amici», и они совершенно напоминали собою греческих гетер. Как и последние, они имели большое влияние на моду, на искусства, литературу и вообще на все патрицианское общество.

Этих куртизанок можно было встретить повсюду: на улицах, в цирках, в театрах, окруженных целой толпой поклонников. Часто они гуляли по городу, развалившись в носилках, несомые неграми, полуодетые, с серебряным зеркалом в руках, покрытые браслетами, драгоценными камнями, с сережками в ушах и с золотыми диадемами на головах. Находившиеся около них рабы освежали воздух громадными веерами из павлиньих перьев. Впереди и позади таких носилок шла обыкновенно толпа евнухов, мальчишек, шутов-карликов и музыкантов, игравших на флейтах. Менее богатые из этих гетер или же менее тщеславные и наглые прогуливались пешком, одетые во всевозможные пестрые ткани. Они появлялись на улицах с зонтиками в руках, с зеркалами и веерами, в сопровождении нескольких рабов или по меньшей мере одной рабыни.

4. Средние века. Религиозная проституция. В средние века религиозная проституция существовала среди некоторых сект, проповедовавших общность жен.

Николаиты проповедовали отсутствие всякого стыда в половых отправлениях и учили, что все страсти, даже самые грубые и низкие, полезны и святы. Они вместе с так называемыми гностиками слились в несколько союзов, называвшихся фибионитами, стратиотиками, левитами и барборитами, в основу учения которых легли их взгляды.

Св. Епифаний описывает в IV столетии распространенный между ними разврат, не знавший никаких пределов. Секты эти просуществовали тайно до XII столетия, сделав еще одну попытку привиться к жизни.

Карпократ основал секту, которая учила, что стыд должен быть приносим в жертву Богу. Сын его, Епифан, развил учение своего отца, установив общность жен, по которой ни одна из них не должна была отказать в своих ласках кому бы то ни было из мужчин, если он потребует их на основании своего естественного права.

Секта адамитов была основана неким Продонусом, который был сторонником учения карпократов и ввел публичное отправление половых потребностей днем, говоря, что то, что хорошо ночью в темноте, не может считаться дурным при дневном свете.

Пикардистами назывались последователи Пикарда, главы другой эротической секты. Когда кто-нибудь из них желал обзавестись подругой, он являлся с ней к главе секты и говорил: «Мой дух воспламенен ею», на что последний обыкновенно отвечал словами Библии: «Идите, плодитесь и размножайтесь». Пикардисты, во время преследований их, укрылись в Богемии у гуситов, но последние истребили их всех до одного, не пощадив даже их жен, которые были почти все беременные и которые в темнице упорно отказывались от одежд и разрешались от бремени, смеясь и распевая непристойные песни (Бейли. Diction, historique et critique, статья «Рикардс»).

Пикардисты воскресли во Франции в 1373 году под именем «скоморохов» (Turlupins), которые не только не признавали никакой одежды и ходили голыми, но даже, по примеру

греческих циников, совокуплялись публично днем, в присутствии посторонних. Вот слова Бейла, который цитирует одно место из речи канцлера Джерсона, направленной против них: «Cynicorum philosophorum more omnia verenda publicitis nudata gestabant et in publice velut jumenta coibant instar canum in nuditate et exercitio membrorum pudendorum degentes».

То же самое было в долинах Базиликаты, в Аbruццких горах и в одном капище в Ороне в Пьемонте.

Имя св. Прикса, у французов Прейя и Прита, очевидно, произошло из древнего Приапус.

Проституция гостеприимная. Обычаем гостеприимства, напоминавшим нравы диких, было так называемое «украшение ложа» рыцаря, являвшегося гостем в каком-нибудь замке. По поводу этого дикого обычая Лакорн де Сент-Палай цитирует одну очень любопытную новеллу (Manuscript du roi № 7615, лист 210), где говорится об одной хозяйке замка, у которой гостил некий рыцарь и которая не хотела лечь спать до тех пор, пока не послала ему одну из своих дам разделить с ним ложе.

Проституция гражданская. Епископ, аббат, барон и ленный владетель могли содержать у себя нечто вроде гарема на счет своих вассалов.

Подобно тому как в настоящее время в кафе-шантанах, так прежде свидания с проститутками имели место около колодцев во дворах чудес («Cours de miracles»), где они жили, или на улицах, где выставляли себя напоказ. Около такого колодца, служившего, впрочем, для всеобщего употребления, собиралось по вечерам много женщин с целью потолковать о своих любовных делах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.